

# **Языковые основания нравов: лингвокультурологический аспект<sup>1</sup>**

**ЕЛЕНА ЛОМШИНА**

Саранск

В последнее время лингвистика занимает авангардные методологические позиции в системе гуманитарного знания. Язык можно рассматривать как путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя.

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса и нравственности требует междисциплинарных подходов – от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии.

Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Как специальная область науки лингвокультурология возникла в 90-е годы XX века. Лингвокультурология эрзянского и мокшанского субэтносов, как объект исследования, на сегодняшний день остается за пределами внимания исследователей. Отдельные аспекты отражены в работах филологов Мосина М. В., Цыганкина Д. В., Полякова О. Е., Инжеватова И. К., Ширманкиной Р. С., Кулаковой Н. А., Казаевой Н. В и др. Данным вопросом также занимается этнограф Мокшин Н. Ф. Одной из первых разработок в области мордовской лингвокультурологии является составленный нами эрзянско-мокшанско-русский словарь этических терминов. В основу данного исследования положены такие словари, как «Мокшанско-русский словарь» (МРС, 1949), «Эрзянско-русский словарь» (ЭРС, 1949), «Мокшень-рузонь валкс» (МРВ, 1998), «Эрзянь-рузонь валкс» (ЭРВ, 1993), «Русско-мокшанско-эрзянский словарь» (РМЭС, 2011) и др.

Мораль имеет общечеловеческий смысл, но тем не менее существуют разные типы нравственной культуры, в рамках которых формируются этнокультурные ценности, дающие конкретное содержание моральным нормам и императивам. Нравственная культура может быть представлена в виде системы ценностных отношений ко времени, пространству, человеческим качествам и позициям, фундаментальным связям между людьми и выражающим их символам.

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта «Этноэтика мордвы: традиции и современность». Проект 11-13-13004 а/В.

Нравственную культуру этносов изучает этноэтика.

В мордовском языке не зафиксированы слова «мораль» и «нравственность», однако весьма употребительным считается слово *м. кой*, э. *кой* 'обычай, обряд, привычка', и оно зафиксировано во многих словарях (МРВ: 267; ЭРВ: 276; ЭРС: 79); *м. кодама семья – стама кой*, э. *кодамо семья – истямо кой* (посл.) 'Какая семья – таков обычай'. До сих пор для выражения понятий сохранять, соблюдать традиции используются словосочетания *м. ванфтомс койхть*, э. *ванстомс койть* 'сохранять, соблюдать традиции'; *м. кирдемс кой*, э. *кирдемс кой* 'придерживаться традиций, обычаев' (РМЭС: 438, 482).

Согласно религиозно-мифологическим представлениям, первоначально возникли представления о добре и зле. В этимологическом словаре Лыткина В. И. и Гуляева В. И. можно проследить, что слово «добро» в финно-угорских языках имеет общую основу. Например, э. *паро*, *м. пара* 'добро'; коми *бур* 'добрый, хороший'; удм. *бур* 'хорошо, хороший, хорошее, добро'; мар. *паро* 'добрый, хороший'; доперм. *para* 'хороший'; саам. *buorre* 'хороший' (1970: 42).

Анализ генезиса нравственной культуры мордовского этноса позволяет выделить две главные основы этноморали: во-первых, это традиция, во-вторых, ценностное отношение к предкам – в темпоральном плане и ценностное отношение к своей родине, отечеству, земле – в плане локальном. Человеческой проекцией нравственной культуры этносов в ее генетических основаниях выступают мифологические образы Тюшти, Сияжара, Дуболго, Бурная, Гамзура и др., соединяющие в себе силу, необходимую для защиты родового коллектива, и постоянную готовность использовать ее в соответствующем направлении.

Понятие сила имеет общую этимологию в финно-угорских языках. Ср. *м.-э. вий* 'сила', мар. *вий* 'сила, мощь, усилие'; общепермское *vij* 'сила'; фин. *väki* 'сила'; саам. *vieikka* 'изрядно, порядочно'; манс. *wax* 'мощь, сила', хант. *wex* 'сила', коми *вын* 'сила, мощь' (Лыткин и Гуляев 1970: 55, 72). Язычники верили в существование магической силы (она связывалась с деревьями, травами, огнем, водой, небом), которая могла как исцелить, так и погубить.

Согласно религиозно-мифологическим представлениям мордвы, понятие «силы» сравнивалось с деревом. В устно-поэтическом творчестве мордвы сила мифологических персонажей сравнивается с дубом: э. *виев теке тумо*, *м. вий кода тумо* 'силен как дуб'. Понятие силы было связано с защитой своего отечества, родной земли: э. *чачома-мастор*, *м. шачема мастор* 'родина'. (РМЭС: 421.)

Сила, коренящаяся в связи со своим народом и своей землей и направленная им на благо – вот, что есть духовность в ее исходно-



мифологической форме.

Одним из важных компонентов мировоззрения было ценностное восприятие времени. Оно не мыслилось в отрыве от деятельности людей. Время воспринималось как нечто содержательное, соотнесенное с определенными ценностями и нормами, сосредоточенными в поступках предков и героев народных эпосов, мифологических персонажей, и в особенности в «нравах предков». Задачей потомков было сохранить эти ценности и нормы и постоянно корректировать по ним свое поведение. Жизнь людей получала смысл постольку, поскольку они участвовали в сакральных обрядах, следуя установленным традициям и нормам поведения. Время теряло свою самооценку, человек проецировал свою жизнь на мифологическое время. В особенности это проявлялось во время празднеств, занимавших заметное место в духовной культуре мордовского этноса. Среди них выделялись религиозные обряды и праздники, связанные с аграрным земледельческим календарем: м. *Пивань куд*, э. *Пивань кудо* 'Дом Пива', м. *Киштимань куд*, э. *Киштимань кудо* 'Дом плясок', м.-э. *Веле озкс* 'мирской осенний праздник в честь сбора урожая' и др.

Цикличность восприятия времени в нравственной культуре мордовского этноса представлена через жизнеорганизуемый образ смерти: м.-э. *кулома* 'смерть'. Она – не абсолютный конец жизни (как и рождение – не абсолютное начало), а лишь момент ее непрерывного развития и обновления. Обращение к методологии М. М. Бахтина (1985) и материалам исследований В. С. Брыжинского (1975) позволяет предположить, что в культуре мордовского этноса создан образ «карнавальной смерти» («свадьбы по умершему», «праздник возвращения»), хотя это понятие имеет ряд значимых отличий от западноевропейской карнавальной народной жизни. Мордовская празднично-смеховая культура предполагала локально-общинную направленность, а не всенародность, чем объясняются, например, различия в сроках проведения обрядов, их названия и формы. Через обрядовый смех происходило преодоление смерти, толчок к воскрешению. Смех был тесно связан с идеей круговорота времени, сменой времени года – солнечным циклом –, вечным повторением и возвращением.

Противопоставление понятий «жизнь»–«смерть» включается в систему круговорота в природе, умирания и воскрешения, как это имеет место в древнеегипетском мифе об умирающем и воскресающем Осирисе, древнегреческом мифе об Адонисе или вавилонском мифе о Таммузе, и замыкается идеей возрождения. Смерть воспринимается как начало жизни в новом качестве. Так, мифологические героини Литова и Сыржа, чтобы избежать замужества без любви, обращаются к богам и умирают, чтобы затем улететь в небеса и возродиться. По своей функции

обряды умирания и воскрешения тождественны, например, оргиастическому катарсису дионисии, их цель — нравственное воскрешение и перерождение индивида. Возникающие архетипы, связанные с цикличностью, незыблемостью, предполагают требования сохранения традиций, ритуально-моральных предписаний, нормативного поведения членов общины.

Нравственная культура этноса характеризуется ценностным отношением к символам, в которых заключается обширный текст. В «рождественском доме», «доме плясок», «доме пива» бытовали игры, связанные с образами животных (медведя и коня). У финно-угорских народов конь являлся символом светлого, радостного, удачливого, а также постоянно обновляющейся природы. У удмуртов в легендах конь выступает как прекрасное лучезарное крылатое существо *бурдо вал*, связанное непосредственно с солнцем. Отождествление коня желтой (слоновой) масти с солнцем наблюдалось у марийцев. У наших сородичей в честь «солнечного коня» устраивались специальные аграрные праздники: *гужор* 'весенняя трава' — у удмуртов, э. *тундонь ильтямо*, м. *тундань ильхтема* 'проводы весны' — у мордвы. Медведь олицетворял собой символ мудрости, образ прародителя, то есть представлял собой образ предка. Так как у финно-угорских народов существовал культ предка, то и образ медведя наделялся особым ценностным значением. У марийцев, финнов, хантов, манси с образом медведя связано получение необходимых жизненных благ — удачной охоты, плодородия полей, многочадия. Так, у удмуртов он выступает в качестве лешего, доброго человекообразного существа, имеющего свойство распознавать людей, чинящих зло своим сородичам и наказывать их даже после смерти. В карельской мифологии есть сюжеты, где медведь считался покровителем положительных героев. У мордвы, кроме выше указанных значений, медведь олицетворял собой положительные качества человека — добродушие, благоразумие, физическую и духовную силу, чадолюбие. В свадебной поэзии он выступал как символ здоровья и семейного благополучия. В этих символах сохранялась способность заключать обширный и значительный текст. Через символы выражалось ценностное отношение к качествам, свойствам человека, его социокультурным связям. Являясь важным механизмом культуры, символы переносили наполненные ценностным содержанием «тексты» (Ю. М. Лотман) из одного пласта культуры в другой, способствовали связи времен и поколений.

Ценностное восприятие социокультурных связей, человеческих качеств, установок происходит через соблюдение отеческих традиций: культа предков, уважения и почитания сородичей, соседей (в рамках общины), авторитета старших в семье и роде, взаимопомощи,



почтительности, гостеприимства.

К проявлениям отеческих традиций относится принцип взаимопомощи, который назывался м. *лездома* и э. *лездамо* 'помощь, взаимопомощь' (МРВ: 331; ЭРВ: 335). К помощи прибегали при постройке дома, в очистке колодцев, при посадке картошки и других видах работ. В них принимали участие даже дети, и, несмотря на то, что в каждом дворе хватало работы, никто не отказывал просящему помочь. Этот обычай представлял возможность показать трудовое и профессиональное мастерство, собственную силу, красоту, побыть на людях.

Обычай взаимопомощи у мордвы проявлялся в разных формах. Существовал обычай отдавать вещи на подержание, это считалось как исполнение некоторого долга: м. *Шабраса и педямась и траксь марстонь*, э. *Шабрасот и педямо и скал вейсэнь* (посл.) 'В соседях и корова и подойник общие'. Взять за отданную вещь вознаграждение считалось постыдным: м. *Стакашиса кядьта ускихть, а аф зепта*, э. *Сырнимасо таргить кедень кувалмо, аволь зепень кувалмо* 'В нужде за руку тянут, не за карман'. Погорелец после пожара отправлялся в окрестные села. Крестьяне снабжали его не только хлебом, но и давали одежду, посуду, другие вещи, необходимые в хозяйстве, не дожидаясь просьб, приносили свои пожертвования в тот дом, где он временно поселился.

Бескорыстная помощь, щедрость души были проявлением человечности. Дети, выросшие в такой атмосфере, вырастали добрыми, отзывчивыми, готовыми прийти на помощь. Доброта считалась одним из лучших нравственных качеств. С малых лет детей учили проявлять сострадание и милосердие, оказывать помощь одиноким и престарелым: м. *Тят пеле сталмонь кандома, а пельхть лиянди лездомань юкстама*; э. *Иля пеле сталмонь кандомадо, пельть лезэнь стувтомадо* 'Не бойся трудностей, а бойся забыть о помощи другим'. По обычаю, в праздничные дни родители поручали детям отнести продукты в те семьи, которые жили бедно. Девочек родители посылали к одиноким старым людям убирать избу перед праздником, приносить воду, топливо.

Одним из средств регуляции и проведения в жизнь отеческих традиций являлось общественное мнение — мнение семьи, родственников, соседей, селения в целом и всей округи. В повседневном общении, во время коллективных работ, праздников демонстрировались нормы поведения, осуждались или подвергались корректировке отклонения от них.

Нравственная оценка поведения того или иного жителя общины четко осознавалась. Вынесение безнравственных поступков на общественный суд осуществлялось не только прямым осуждением их

на сходе, но и в виде апелляции к соседям. По существу любое собрание в мордовской деревне (от крестин до поминок или хороводов и помочей) могло послужить ареной для апелляции к общественному мнению. У мордвы существовал целый цикл хвалебных и осуждающих песен.

Можно сказать, что м.-э. *атянь-бабань эрямонь койть* 'отеческие традиции' выступали как образец для данной структуры в целом, они играли роль эталона нравственности. Следование этим традициям носило сакральный характер. Пронизывая все виды деятельности, отеческие традиции выполняли мировоззренческую, регулятивную, оценочную, воспитательную функцию, а также правила морали на стадии ее формирования или, по крайней мере, автономизации.

Нравственные отношения внутри мордовской семьи были гармонизированы как экономически, так и юридически. В духовной сфере эта гармонизация подкреплялась соответствующими связями: каждая семья поклонялась своим святыням, имела домашних духов-покровителей в образе Юртавы, Кудавы.

В идеальном аспекте нравственного сознания взаимное уважение и согласие считалось основой семейного благополучия. «Не надо золотого клада, если нет в семье лада», – говорили в мордовском народе. Ценность духовных, нравственных отношений ценилась выше материальных, эмпирических, повседневных. Взаимное понимание мужа и жены было неременным условием брака. Следующая пословица гласит так: «Ворота держатся на двух воротах, а дом на двух головах». Жена носила почетное звание м. *кудазорава*, э. *кудаозорава* 'хозяйка дома' и обладала правом на часть имущества семьи (со-размерно доле своего приданного).

В мокшанском и эрзянском языках имеется достаточно сложный и разнообразный набор словесных выражений, раскрывающих понятие воспитания: м. *касфтомс*, э. *кастома* 'воспитание' (МРВ: 234; ЭРВ: 239). Наши предки старались воспитать в детях такие нравственные качества, как трудолюбие, честность, справедливость, доброту, милосердие, желание прийти на помощь и другие.

В воспитании положительных нравственных качеств применялись различные методы. На раннем этапе овладения моральными нормами поведения большое значение имеют одобрение, похвала: м. *инама*, э. *инамо* 'одобрение, оценка' (МРВ: 871; ЭРВ: 766). За хорошее поведение ребенка хвалили в присутствии других детей, ставя его им в пример. Об этом гласят следующие пословицы: «Своевременная похвала силы прибавляет», «Похвала воодушевляет, а хула силы убавляет». В традициях семейного воспитания осуждались – м. *сялдома*, э. *сялдома* 'осуждение, порицание' (МРВ: 696; ЭРВ: 639) –



такие качества, как: лень, м. *нолаши*, э. *нузякчи* 'лень, леность' (МРВ: 417; ЭРВ: 421), вранье, м. *васькафнема* 'вранье', э. *манчема*, *эзельдема* 'вранье, хвастовство' (МРВ: 40; ЭРВ: 41), зло, м. *кяж*, э. *кеж* 'зло, злоба' (МРВ: 312; ЭРВ: 53), м. *кяж*, э. *апаро* 'зло, злоба' (МРВ: 312; ЭРВ: 53), слабость, м. *лафчаши*, э. *лавиочи* 'слабость' (МРВ: 329; ЭРВ: 324) и другие.

В идеальном аспекте нравственного сознания, отношения между родителями и детьми должны были основываться на взаимной любви и почитании: м. *кельгома*, э. *вечкема* 'любовь, уважение'; м. *мяль ваном*, э. *мель ваном* 'почитание' (МРВ: 245; ЭРВ: 250).

В реальной жизни положение детей было несколько противоречивым. С одной стороны, они должны были полностью повиноваться воле родителей. Воля отцовская ставилась выше царской, «и царь хотел, но отец не велел»; воля матери сопоставлялась с божеской: «мать сказала, бог сказал». Такие ценности, как м. *мяль ваном*, э. *мель ваном* 'почитание'; м. *кулхцондома*, э. *кунсолома* 'послушание' считались определяющими. Непочтительного сына отец мог выгнать, лишить надела.

Чувство уважения к матери, ее почтение – древняя традиция мордвы, оно ценилось очень высоко и передавалось из поколения в поколение на генетическом уровне, как архетип культуры. Возможно, это связано с внутренней ориентацией культуры, которая обеспечивается большой стабильностью жизнедеятельности; особенностями языческой религии.

Анализ мифологии мордовского этноса позволяет сказать, что в языческом пантеоне преобладали женские божества, где существовал культ Богини-матери. В разных обрядах и молениях главную роль играли женщины. Образ женщины-матери интуитивно выражал философское осмысление самого бытия, что отразилось в философской литературе. Анализ устно-поэтического творчества и документов позволяет сделать характерное замечание, что власть родителей имела пределы. Например, в моральном сознании мордвы, считалось недопустимым бить детей: м. *Иттнень мархта тюремс – зверькс улемс*, э. *Эйкакиштнень марто тюремс – зверькс улемс* (посл.) 'Детей бить – надо зверем быть' (Майнов 1885: 129). Подвластность детей воспринималась как источник будущего права сына, как залог превращения в главу дома, при естественной смене поколений. Таким образом, нравственные ценности в мордовской семье как почитание, послушание были выражением сакральной связью между родителями и детьми. Почитание родителей и исполнение долга по отношению к ребенку взаимно обуславливали друг друга. Сын лишь постольку был сыном, поскольку он почитал родителей, и наоборот: лишь при условии выполнения своего родительского долга родители считались

уважаемыми людьми.

Другой важнейший компонент мировоззрения – это ценностное восприятие пространства. Как и время, эта категория выступала могущественной таинственной силой, управляющей всеми явлениями природы, в том числе жизнью людей и богов. Пространство эмоционально-ценностно насыщено. Это нашло отражение в топонимике. Топонимика географических названий указывает на наличие такого восприятия у мордовского этноса. Слово м. *пара*, э. *паро* ‘добро, доброе дело’ (МРВ: 463; ЭРВ: 458), как отмечает Д. В. Цыганкин, встречается в названиях мордовских поселений. *Промзино* (*Паронза*) – мокшанское село в Zubovo-Полянском районе, *Паракино* (*Пары зеле*) – эрзянское село в Большеберезниковском районе, *Паратино* (*Парапа*) – мокшанское село в Ковылкинском районе, *Парадэле* – эрзянское село в Ичалковском районе (Цыганкин 1993: 65). Своя земля воспринималась качественно и позитивно. Мордовский этнос мыслил себя в теснейшей и священной связи с землей своего рода. Отношение к земле есть, безусловно, отношение ценностной взаимосвязи, как в ирреальном, так и в идеальном аспекте нравственного сознания.

Ценностное восприятие пространства особенно ярко проявилось во взаимоотношениях с природой, обеспечивающих поддержание телесно-духовной целостности, которая, вероятно, представляет собой один из архетипов культуры.

О ценностном восприятии природы говорит также существование у мордвы священных заповедных рощ, где не позволялось не только срубить дерево, но даже сломить свежий прут, священным деревьям придавалось особое значение. Об этом пишет Фрезер Д.: «У племен угро-финской расы языческий культ справлялся преимущественно в лесах, которые всегда были окружены оградой. В этой роще нельзя было производить порубки, а женщинам вход туда был вообще запрещен» (Фрезер 1928: 448). У мордвы священными деревьями считались дуб, липа и береза. Законы природы непосредственно выражают моральное долженствование по отношению к окружающей среде.

Своеобразие нравственной культуры мордовского этноса определяют не какие-нибудь уникальные ценности, в ней содержащиеся, а их особая акцентировка. Система моральных ценностей каждого народа включает набор универсальных общечеловеческих ценностей – почтительное отношение к старшим, родителям, женщине, гостеприимство, понятие о чести, достоинстве, скромность, толерантность, благожелательность и т.п., но их иерархия в каждом отдельном случае имеет свои особенности.



Именно иерархия тех или иных качеств специфична для таких традиционных этических систем, как гири в Японии или намус мусульманских народов. Так, принцип гостеприимства входит в моральный кодекс любого народа, но далеко не у всех он стоит на первом месте. В мусульманской системе моральных ценностей почитание родителей является одной из главных добродетелей, а у европейских народов занимает несколько более скромное место. Украинскую же ментальность, архетипы их национальной культуры отличают такие черты, как «софийное мировосприятие, акцентированно-позитивное отношение к природе, антропоэтикоцентрическая ориентация, демократизм брачных отношений» (Пазенок В. 1994: 61).

У мордовского этноса самыми ценными считаются такие качества как доблесть, толерантность, почтительность. Ценность или престиж мужчины в культуре определяется, прежде всего, через ролевые функции, которые вписаны в престижную структуру общества (например, как потенциального главы самостоятельного хозяйства – э.-м. *кудоазыра* ‘хозяина дома’ – также через брак, который обеспечивает приобщение мужчины к наиболее почетной роли – роли продолжателя рода). Роль женщины в семье и роде определяется через категории родственных отношений.

В ходе рассмотрения нравственной культуры этноса выявлены ее ценностные аспекты. В моральном сознании этноса прослеживается представление о теснейшей взаимосвязи со всеми объектами морали, как реальными (семья, род, община), так и ирреальными (боги, духи предков, пространство, время). Поведенческий аспект морали господствовал над мировоззренческим. «Отеческие традиции» диктовали не нравственную рефлексию, а тщательное исполнение обязанностей.

Как и культуры других народов, нравственная культура мордовского этноса не избежала диалектических противоречий. Так, в нравственной культуре мордвы ценилось м. *кемема*, э. *кемема* ‘верность’, м. *мяль ваном*, э. *мель ваном* ‘почитание’, м. *кунсолома*, э. *кунсолома* ‘послушание’. В реальной жизни, однако, существовало и несоответствие между должным и сущим: примером тому служили факты супружеской неверности, непочитания, непослушания.

Язык является бесценным хранилищем древней культуры и истории людей, он изменяется и эволюционирует по мере развития материальной и духовной культуры. Он отражает все колебания и особенности нравов, обычаев, верований, способов мышления; в нем отражаются различные модели видения мира, характерные для отдельных человеческих коллективов на протяжении их истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и форм.

### Список сокращений

- МРВ – Мокшень–рузонь валкс. – Мокшанско–русский словарь. Москва: Дигора, 1998.  
МРС – Мокшанско–русский словарь. Москва: Госиздательство, 1949.  
РМЭС – Русско–мокшанско–эрзянский словарь. Саранск: Поволжский центр культуры финно-угорских народов, 2011.  
ЭРВ – Эрзянь–рузонь валкс. Эрзянско–русский словарь. Москва: Дигора, 1993.  
ЭРС – Эрзянско–русский словарь. Москва: Госиздательство, 1949.

### Сокращения названия языков и диалектов

доперм. – допермский, м. – мокшанский, мар. – марийский, манс. – мансийский, общеперм. – общепермский, саам. – саамский, удм. – удмуртский, фин. – финский, хант. – хантыйский, э. – эрзянский.

### Список использованной литературы

- Бахтин М. М. 1985. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья*. Москва: Художественная литература.  
Брыжинский В. С. 1975. *Народный театр мордвы*. Саранск: Мордовское книжное издательство.  
Лыткин В. И., Гуляев В. И. 1970. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Москва: Наука.  
Майнов В. Н. 1885. *Очерки юридического быта мордвы*. Санкт-Петербург: Тип. Министерства внутренних дел.  
Пазенок В. С. 1994. Этноэтика как феномен культуры – *Культура и этноэтика*. Этнические миры и культурные универсалии. Материалы международной конференции. Вып. 2. Киев: 58–61.  
Цыганкин Д. В. 1993. *Память земли*. Саранск: Мордовское книжное издательство.  
Фрезер Д. 1928. *Золотая ветвь*. Москва: Атеист.

ELENA LOMSHINA  
Saransk

### Language bases of morals: Linguoculturological aspects

The article deals with the problem of the formation of moral concepts prevailing in the Mordvinic language. Mordvin moral culture is viewed through the system of value, space, time and sociocultural ties and relations.